

1898, 25 мая¹

Цюрих

Дорогой Жоржик,

не могла бы я, пока не кончится эта сумятица, отдохнуть ни в Цюрихе, ни в Женеве. Если бы я туда поехала, так не для отдыха, а для убеждения Вас. Последнее Ваше письмо² такое, что как будто бы с Вами можно бы говорить. Прошлое показывало очевидным образом, что нельзя. Я не веду никаких переговоров с Гришиным, а лишь разговоры. Приходит он что-ниб[удь] принести, сообщить совсем невинное, а затем сидит часа три и все время говорит. Ни тени грубости я от него не слышала. Не бойтесь, ничего я не говорю ему такого, что могло бы повлиять хоть чуточку на что бы то ни б[ыло]. Я его выпрашиваю, так, для собственного просвещения. Мне кажется, что своими вставками, замечаниями не раз заставляла его задуматься над их правотой по отношению к нам. Но это так только. Нашим самым серьезным противником он все-таки будет. Разговоры (допросы его) с ним доставляют мне своего рода удовольствие, правда, очень горькое. Он, по-моему, в высшей степени правдивый человек. Разговоры поставлены у нас на самый объективный тон. Он излагает мне то, что есть. Горькое удовольствие заключается в том, что то, что я узнаю от него, подтверждает все, что я предчувствовала, предвидела в течение всего этого года. Правда, в больших размерах против моих опасений. Я думаю, что разговоры с Блюм[енфельдом], Гинзб[ургом], с Вами (предпоследнего письма³) волновали бы меня еще больше, чем с ним. Он для меня просто объективный, необходимый факт действительности. А в том, что сделаете Вы (хоть бы я на край света во время Ваших действий запряталась), я буду чувствовать себя виноватой, это и меня обяжет. Не могу я передать Вам своего голоса. Я знаю, что у меня чутье действительности (того, что есть на самом деле) неизмеримо больше, чем у Вас. У Вас оно заслоняется (иногда прямо до сумасшествия) представлением о том, что должно быть, но чего нет, и нет средств сделать, чтобы оно было. Вы утопист в практических отношениях не меньше Фурье. Вы ошибаетесь, когда думаете, что против нас только 2 дурака, которых надо высечь. Против нас почти вся молодая эмиграция с присоединением тех элементов из студенчества, которые уже действовали или собираются серьезно действовать. Они полны энергии, чувствуют за собой Россию в виде Вильны, Минска и Киева (Эттингер). Они деятельно готовятся к выступлению, пишут в Россию, собирают силы по всей Европе. Послание администрации⁴, думается мне, очень помогло им в этой агитации. С[ергей] Н[иколаевич] – несерьезная штука. Очень вероятно,

что с его теоретическими измышлениями нетрудно покончить одной-двумя брошюрами. Лишь бы он поскорее и покатегоричнее высказал их печатно. Но этим общий подъем духа (против нас) лишь внешним образом связан с С[ергеем] Н[иколаевичем]. Он готовится уже давно и в слабой степени уже начинался в прошлом году. Его нельзя скрутить, а надо переждать.

Я боюсь, что вам всем в Женеве кажется, что с ними следует расправиться или административным порядком за нарушение тех или друг[их] статей Устава⁵ (они их, вероятно, нарушат), или посредством подобранного большинства (не принять Эт[ингер] и Петербуржца⁶, хотя по соглашению с россиянами всякий член русского «Союза»⁷, приезжая за границу, становится нашим членом, и вытасчить на сцену Гуковского). Формально это возможно, но эта-то наша формальная победа и была бы нашим величайшим поражением. Мы не можем исполнять функции «Союза»: создать рабочую литературу. Вы говорите, что нельзя бросить то дело, которое мы делали 15 лет. Да за последние 3 года мы делаем совсем не то дело, которое делали в предыдущие двенадцать. То мы могли бы продолжать. Это я и предлагаю. Издавать же такую литературу для рабочих, которая удовлетворяла бы требованиям россиян, мы не можем. И всем кажется при этом, что мы мешаем тем, кто может. Быть может, это им только кажется. Своего идеала и они не достигнут, но у них есть такой идеал, а у нас его нету. У них есть жажда деятельности в этом направлении, но лишь бы не под нашей редакцией. Им ужасно хотелось бы при этом, что[бы] мы остались редакцией «Союза», а они издавали рядом с нами, помимо нашей редакции. Своим бездельем (ни одной рукописи к нам приходиться не будет) или изданием⁸ вещей, не нужных для пропаганды среди рабочих, мы выгодно оттеняли бы их деятельность. Соперничество с нами поддерживало бы в них священный огонь. Но мне не кажется полезным доставлять им это лишнее торжество. Я совершенно согласна с тем, чтобы мы только редакцию оставили, а не выходили из «Союза». Это сведется к одному и тому же. Это даже лучше. И ничуть не помешает нам издавать что угодно от г[руппы] «О[свобождение] т[руда]», а не от имени «Союза». Как обставить это оставление редакции? Я думаю, что форму подскажут своими действиями наши противники. Я бы находила наилучшим просто заявить, что мы сами не находим результаты своей деятельности по изданию рабоч[ей] литературы блистательными, что согласны дать нашим критикам возможность попробовать свои силы на полном просторе. Но это, я сама знаю, было бы уж слишком по-доброму. Не дало бы никакого исхода негодованию против наших противников. На такую формулировку и Павел ни за что не согласится, хоть и знает, что мы не можем издавать рабоч[ей] литературы. Вы с Павлом придумаете что-нибудь по-позлее, и я не буду спорить. (Разве немножечко, но уступлю, конечно, и подпишусь.)

Ваша Вера

На печатание польской рукописи⁹ отдельно и на Ваше предисловие и я, и Павел абсолютно согласны. Посылаю поэтому его обратно для печатания.

А отчего же не издается брошюра Дикштейна?¹⁰ Отчего не набирается (хоть в чужой типографии) та хорошая рукопись (о России, с немецк[им] заглавием, которую недолго перевести)¹¹, которую, кажется, Вы с собою увезли? Предчувствуя неизбежность разрыва, мне бы хотелось хоть начать ее печатать при нас, а не им оставить такую хорошую вещь.

Вера

РНБ. АДП. Ф. 1093. Оп. 3. Ч. 1. Ед. хр. 438. В 487.76.
Л. 1 – 6 об. Автограф. Опубл.: Группа «Освобождение тру-
да». Сб. 6. С. 206–208; *Философско-литературное наследие*
Г.В. Плеханова. М., 1973. Т. 1. С. 168–70.
Публикуется по автографу.

Примечания

- ¹ Датировано при первой публикации, очевидно, по несохранившемуся конверту.
- ² Письмо Г.В. Плеханова не разыскано.
- ³ Письмо Г.В. Плеханова не разыскано.
- ⁴ Вероятно, речь идет о запросе, может ли С.Н. Прокопович считаться членом «Союза» после его заявления о несогласии с программой группы «Освобождение труда». См. док. 637 в приложении к настоящему изданию.
- ⁵ Устав «Союза русских социал-демократов».
- ⁶ Очевидно, В.П. Иваншина, хотя «Петербуржец» – псевдоним К.М. Тахтарева.
- ⁷ Петербургского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса».
- ⁸ Так в оригинале.
- ⁹ О какой «польской рукописи» идет речь, установить не удалось.
- ¹⁰ Впервые перевод с польского брошюры С. Дикштейна «Кто чем живет?» с предисловием и послесловием Г.В. Плеханова вышел в Женеве в типографии группы «Освобождение труда» в 1885 г. в качестве второго выпуска из серии «Рабочая библиотека». В 1893 г. Фонд вольной русской прессы в Лондоне выпустил второе издание этой брошюры. В 1898 г. «Союзом русских социал-демократов» в Женеве было подготовлено третье издание, так же как и первое, в серии «Рабочей библиотеки».
- ¹¹ Рукопись Ю.О. Мартова «Современная Россия». См. прим. 15 к док. 365.